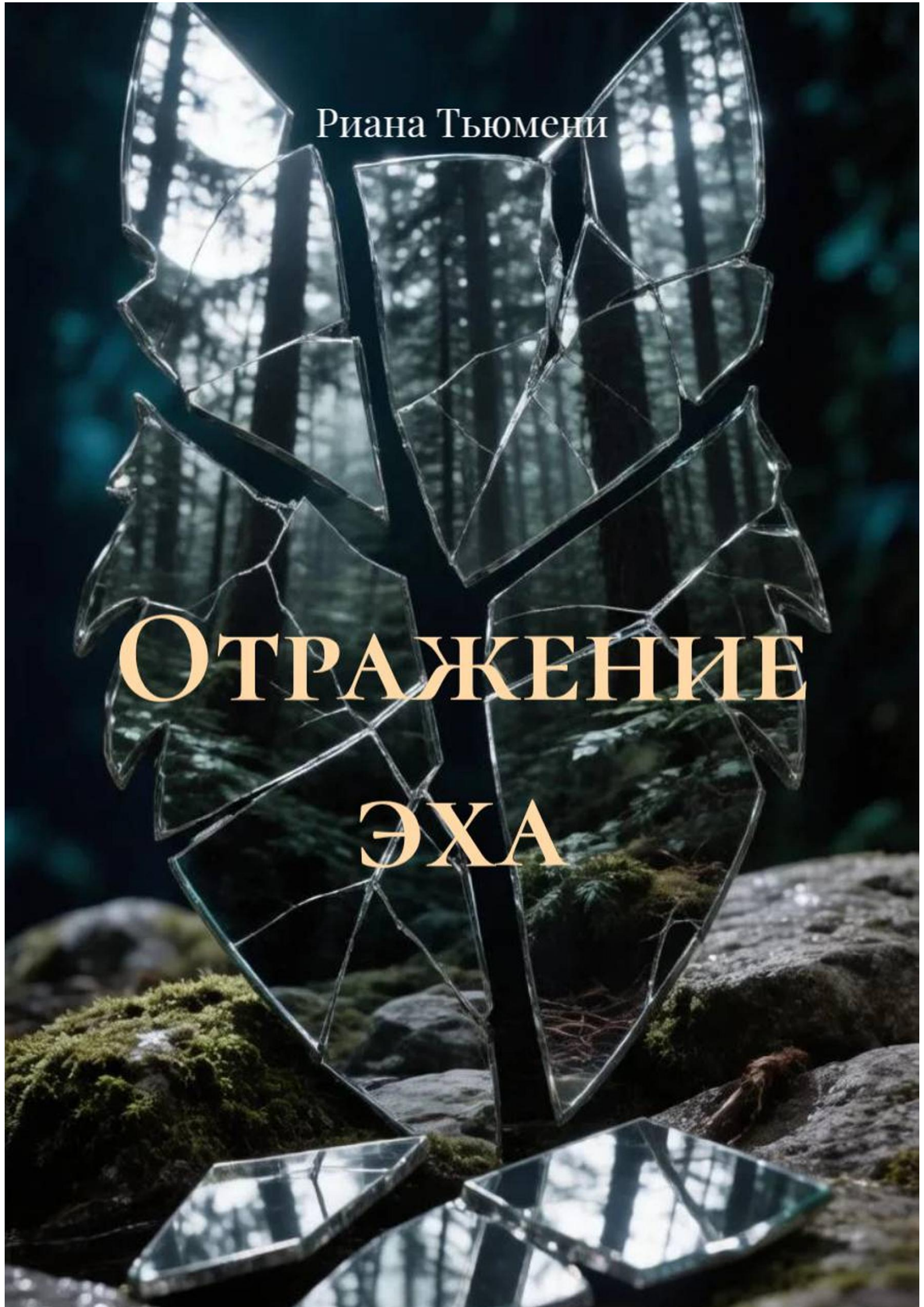

The image is a book cover. It features a large, shattered glass mirror as the central element. The mirror is broken into many irregular, sharp-edged fragments. These fragments are arranged in a way that they still reflect a coherent image of a forest. The forest has tall, thin trees and a dense canopy. The ground in the forest is covered with green moss and ferns. The mirror is placed on a rocky surface, also covered with green moss. The overall color palette is dark and moody, with deep blues, greens, and greys. The text is overlaid on the image in a serif font.

Риана Тьюмени

ОТРАЖЕНИЕ ЭХА

Риана Тьюмени

Отражение эха

«Автор»

2025

Тьюмени Р.

Отражение эха / Р. Тьюмени — «Автор», 2025

Девушка-подросток из Российской Империи оказывается хранительницей осколка Волчьего Зеркала, призванной спасти его и весь параллельный мир, где есть одна подкожная проблема - сын бывшего русского бога войны, мстящего за обессиленного и преданного отца и жертва его озлобленности.

© Тьюмени Р., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Отражение Эха	5
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Отражение эха

Отражение Эха

Предшествование

ДИСКЛЕЙМЕР

Данным произведением автор не стремится никого оскорбить. В книге могут присутствовать исторические неточности, так как автор не является специалистом в данной сфере. Произведение носит исключительно развлекательный характер и никого ни к чему не обязывает и не призывает.

Здравствуй, читатель! Я – Беллатрикс Лобо, мы в Российской империи, на Урале. На дворе тысяча семьсот двадцать шестой годъ. Мне тринадцать летъ. Мои родители работают на заводе в городе Екатеринбургъ, его открыли всего три года назадъ, онъ мне какъ младший братъ. На самом деле у меня небольшая семья, я – единственный ребёнокъ... Но это всё не такъ важно, какъ то, что недавно начали происходить совершенно странные вещи...

Глава 1

Беллатрикс проснулась от лучей солнца, которые светили сквозь окно и отражались прямо на лицо Лобо. Девушка поднялась со скамьи и заплела косу. Из погреба показалась седая голова.

– Доброе утро, баба Алёна! – поздоровалась Трикс.

– С добрым утром, Беллочка! – отозвалась бабушка, неся на стол квашеную капусту к каше.

– Спасибо. – проговорила Белл доев.

После завтрака девушка взяла широкое деревянное коромысло. Резьбу на нём когда-то сделал дедушка. Лобо даже не знала, сколько коромыслу лет, сколько она себя помнила, оно всегда стояло справа от двери. Собственно, и жила она здесь столько, сколько себя помнила. В силу того, что отец Беллатрикс – Леопольд был иностранцем, он не был крепостным и часто менял работу, а чтобы не мучить дочь вечными переездами, отправил в удмуртскую деревню к родителям жены. Какое-то время старший Лобо работал на Невьянском заводе, а позже был переведён в свежезапущенный Екатеринбург. Белл иногда там бывала. Все до единого здания завода были с зелёными крышами, дядя Леонард – брат мамы, который вместе с женой и двумя детьми жил в том же Екатеринбурге и занимался именно ковкой оружия – рассказывал, что в этой краске есть малахит, а жильём рабочих были самые обычные деревянные, законопаченные лубом избышки.

Дедушка был из купеческой семьи с берегов Лены, а бабушка – дворянкой, в земли её отца входила та самая удмуртская деревня, в которой находилась мастерская – дом, справа от двери которого внутри стояло коромысло. Сейчас на дворе была поздняя осень, окна были большими, денег на стекло хватало, а ставни Ярослав Ленский делал сам, так что даже тусклые лучи солнца хорошо освещали строение изнутри.

Беллатрикс с коромыслом и двумя вёдрами наперевес шла к реке, которая сейчас называется Кунара. Эта река была не очень широкой, но глубокой, с илистым дном. Два металлических ведра были успешно наполнены. Белл наклонилась к коромыслу. «Н-да, ну и заноз...» – промелькнуло у неё в голове, и Трикс, подняв коромысло, подцепила на него сначала одно полное ведро, затем второе. Когда девушка начала возгужать коромысло на плечи, она случайно повернула его, совсем немного, вода не расплескалась, но в ладони и трапециевидные мышцы явно впилося какое количество заноз. Лобо опустила коромысло и рассмотрела руки, заноз обнаружилось не так много, но спина по-прежнему беспокоила.

Прийдя домой, Белл наклонилась, захватила руками подол, потом, перебирая ткань и перехватывая её всё выше, девушка аккуратно стянула традиционное красное удмуртское платье с себя. Трикс повернулась к зеркалу спиной и на максимальную градусную амплитуду обернула голову. Это зеркало было длиной в поларшина, а в ширину – около трёх пядей, неправильной формы, гранёное, будто осколок, но крупноват. Его несколько лет назад обнаружила в поле двоюродная (или, как тогда бы сказали – сродная) сестра Беллатрикс – Радослава Ленская, невесть откуда взявшаяся дорогая вещь, которую никто по известным причинам не спешил поднимать, а у этой семьи были и руки, чтобы тащить, и знахарка-шаманка – прабабушка Лобо, Анна Гурзунова, дабы снять все возможные порчи и проклятия с этого странного объекта.

На спине заноз оказалось примерно столько, сколько на руках, вместе взятых, но скорее – в полтора раза больше. Убрать их не представлялось возможным. Видимо, пока девушка ходила за водой Алёна и Якоб Ленские уехали на ярмарку. «Ещё и зеркало накренилось», – заметила Беллатрикс и поправила «осколок», еле держа, чтобы не сильно замарать зеркало и ещё сильнее не поранить ладони. Несколько капель крови всё равно остались на зеркальном

стекле, но в попытках достать хотя бы половину заноз Белл этого не заметила. Шея уже затекла, девушка повернулась в первоначальное положение и описала носом круг.

Глава 2

Обратив голову вновь к зеркалу, Трикс увидела вместо своего отражения девушку пятнадцати лет с медно-рыжими кудрявыми волосами до середины плеча, которые даже не пыталась собрать. У неё была очень светлая кожа с редкими веснушками в районе скул, одет на ней был тёмно-зелёный китель с достаточно свободной юбкой, доходящей незнакомке до середины икры. Когда тёмно-зелёные глаза Лобо встретились с мятными дружелюбными, но серьёзными очами девушки, незнакомка приподняла подол и широким шагом прошла в жилище Ленских.

– Здравствуй. – поприветствовала незнакомка.

– И вам не хворать... – глаза Беллатрикс округлились, тело напряглось, а ноги бессознательно заносились одна за другую мелкими сбивчивыми шажками.

– Не бойся. Возможно, мне будет трудно объяснить, а тебе – принять, но, думаю, постараться можно, а тебе лучше присесть. – спокойно проговорила другая девушка.

– Кто вы вообще? Откуда? Вы – ведьма или... кто?... Или что? Простите, но вы появились слишком неожиданно и... у меня даже нет каких-либо блюд для гостей... Точнее, я не могу ими вас накормить без разрешения моей бабушки. – Белл прижала к себе платье.

Незнакомка учтиво отвернулась. Видеть происходящее, до её прихода она не могла по многим причинам.

– Я – Луна Де Шье. Зеркало почувствовало колдовскую кровь, так что большинство из того, что я тебе расскажу будет знакомо хотя бы в общих чертах. Есть другие миры, кроме вашего и Мира Мёртвых. Я из одного из них – Энстихланда, пусть тебя не удивляет то, что у всех нас есть уши и хвосты. Мы – не бесы, просто такова наша природа, дарованная Вольными Стихиями. В нашем мире есть сын демона, возможно, имя последнего тебе знакомо, ведь у вас он порядка семи с половиной сотен лет он считался богом войны. Его сын, Герц Вольтовечкин, мстит за то, что у его отца забрали силу, то есть убили и хочет подчинить все миры Дьяволу. – Луна повернулась обратно.

Трикс передёрнуло от имени Лукавого:

– Но как могу помочь я? У меня всего лишь бабушка знахарским делом и всё. Меня она ничему не учила...

– Нам нужна незнакомая сила. За пределы Энстихланда Герц ещё не выходил. А ты – частично знахарка. – пояснила ДШье.

– Поняла. – Белл прерывисто вдохнула, открыла сундучок и достала бумагу с перьями и чернилами.

Дорогие Маменька Аполлиария, Папенька Леопольдъ, Дядюшка Леонардъ, Тётушка Агния, Бабушка Алёна, Дедушка Ярославъ, Прабабушка Анна, Радослава и Арес,

Возможно, это прозвучит как бредь сумасброда, но мне необходимо на неопределённый срокъ уйти въ параллельный миръ – Энстихландъ для борьбы с сыномъ чертя. Я обязательно вернусь, возможно, через толщу стекла и времени. Это проклятое зеркало. Я не представляю, какъ, но чистка не прошла. Не идите за мной безъ ихъ приглашения.

Ваша Беллатриксъ

– Можем идти. – на выдохе прошептала Лобо.

Луна с сочувствием посмотрела на грустную и обескураженную Беллатрикс:

– Уверена? Ещё можно остаться.

– Думаете, мне будет легче, зная что к людям явится Лукавый, а не Спаситель, при чём совсем скоро? – Белл вновь посмотрела в глаза ДШье.

– Я тебя не знаю и как тебе будет лучше выбирать кому угодно, но точно мне. Я лишь сообщила о нужде в неизвестной Герцу силе. – констатировала Луна.

– Нет. Я готова. Где этот Волк Овечкин. – азартно улыбнулась Трикс.

– Сначала придётся пройтись. – энстихландка двинулась к двери.

– А зеркало?

– Не для первого перехода – точно.

Лобо кивнула и достаточно бодро, насколько это было возможно для человека, испытавшего боль от нескольких десятков заноз, а затем шок, пошла за новой знакомой. Беллатрикс не думала ни о чём. Она просто знала, что если существо может шагнуть сквозь обеззараженные от демонов и проклятий зеркала, то это не просто так. Не мошенница, не шарлотанка, не нечисть. Она – лишь житель другой вселенной. Вселенной, которой требуется помощь, и если не она, то эта опасность перекинется на них...

Глава 3

Спокойной жизни явно пришёл конец и в этом нет ничей вины, если искать крайнего, то это может оказаться даже давно мёртвое животное, которое однажды не туда повернуло голову. Вопросы этой девушки, как благовоспитанной касались только настоящего и будущего. Сейчас у неё крутилось в голове: «Почему именно я?». С другой стороны, по её же мнению, она слишком мало знает, чтобы задавать качественные вопросы, когда Белл придёт в Энстихланд, ей всё объяснят.

Через некоторое время, приблизительно через две версты проводница остановилась. Её крылья носа приблизились к основной части, голова задралась, потом опустилась. Затем Луна с силой выставила руку вперёд, вместе с чем она пропала по локоть. После этого с шагом пропала нога, корпус, лицо, пряди рыжих кудрявых волос и каблук непонятной, несвойственной для Земли обуви. Беллатрикс встала ровно на то же место, занесла ногу, которая оказалась на... той же земле. Тогда Лобо закрыла глаза и представила перед собой огромную штору, выше крыши земного неба и раздвинула ткань руками. Кожа действительно контактировала с чем-то довольно толстым, как добротный деревянный забор, но по консистенции напоминало тесто, хорошенько присыпанное мукой. Теперь шаг упёрся в среднюю каменную кладку, прошла голова, скрылся каблук сапога сорок второго размера и взметнувшаяся густая каштановая коса.

Голову после перехода немного покруживало.

– Луна... – обратилась Белл, к стоявшей в полуметре ДШье. – У меня голову кружит.

– Сильно? – уточнила местная.

– Нет, немного.

– Тогда это нормально. Переходы – в целом вещь неприятная, рекомендуется не больше двух в день, даже если путешествуешь часто. – Луна жестом позвала Трикс.

– А мы проходили через портал или... что это было? – поинтересовалась та, продолжая движение за спутницей.

– Это граница миров. Она есть везде, но там – самая... приятная в округе пяти вёрст. В некоторых местах она может быть толще столетнего дерева, а иногда – просто твёрдой, как камень. Порталов, к сожалению, между нашими вселенными ещё никто не создал, а это – зона границы с минимальным сопротивлением, но из-за того, что она бывает только рукотворной, откаты быть могут. – объяснила ДШье.

– Мгм. – кивнула космийка.

Идти было недолго. Меньше версты, как почувствовала Белл. Что-то явно было не так... Почему самая обычная иномирка могла разговаривать по-русски? Не совпадают же у разных миров языки?... Они, конечно, могут быть похожи, но не в точности до звука, тем более, акцент у Луны был слышен.

– Прости, я забыла спросить твоё имя. – проговорила энстихландка.

– Беллатрикс Лобо. – представилась девушка.

– Хорошо. Сейчас встань напротив меня и посмотри мне в глаза.

Трикс, повинувшись, выполнила просьбу. Луна начала преспокойно говорить:

– Ты внимательно слушаешь меня. Понимаешь и осознаёшь каждое моё слово. Вдохни. Выдохни. Сейчас снова, только медленнее. Я, Луна Де Шье, нарекаю тебе, Беллатрикс Лобо, что ты знаешь энрусский язык, как свой родной, как я его знаю. Медленный вдох, такой же выдох. Пусть этот вздох будет на энрусском. – тряхнулась кудрявая рыжая голова.

Беллатрикс быстро заморгала.

– Иасено? – проверила ДШье.

– Понятно. – ответила Лобо, но уже на энрусском.

– Хорошо. – Белл поняла, как свой родной. Спутницы продолжили ход.

Девушки вошли на широкий двор. Там на крыльце сидели двое парнишек лет тринадцати с лишним. Первый был в светло-сером кителе, имел бледную кожу, белые с золотистым отливом волосы и ярко-синие глаза, на поясе был прицеплен нос, тот самый на котором всё записывают, точнее это были скреплённые металлической нитью и обложенные упрочнённой древесной корой небольшие, с ладонь взрослой аристократки, листки бумаги. Он смотрел на ворота и явно ждал кого-то, а его друг явно пришёл просто за компанию, или... просто резко напало вдохновение? Луне он явно приходился братом. У него были точно такие же глаза, медные кудри, только веснушек было больше. Он что-то писал на обычной бумаге... Палочкой с бесконечными чернилами? «Интересно, что это? И нормальное ли это явление в этом мире?» – задалась вопросом Трикс.

Глава 4

Блондин подошёл к Лобо и протянул руку:

– Здравствуй. Феликс, Феликс Шерр-Лакке, думаю, могу назвать себя учёным. Рад знакомству.

Белл была готова к чему угодно: к тому, что ей не будут верить, что будут недооценивать, что будут общаться с формальностями и что радушно примут, и с радостью пожала горячую руку.

– Взаимно. Беллатрикс, если что. Жительница Российской Империи, которую только что привели к вам в мир. – девушка наткнулась на любопытствующий взгляд Феликса, опешила и плавно убрала руку за спину.

– У тебя есть вопросы относительно нашего мира и твоей роли в нём.

– Я, пожалуй, задам их Луне или твоему товарищу...

Шерр-Лакке кратко мотнул головой.

Луна тронула Беллатрикс по плечу, та обернулась и в её поле зрения попало нечто... Серое, пушистое, являющееся продолжением её копчика, учитывая как поднялась задняя часть подола её платья, оно лишь немного высывалось из-под ткани.

– Я не могу разговаривать с тобой подолгу... Я слишком хорошо считываю чужую силу, она надолго отпечатывается у меня и... эту печать возможно снять. В том смысле, что можно считать информацию и распространять. А Джек, мой брат... – ДШье с трудом удерживала свой взгляд поодаль от Белл.

– Да не важно сейчас, кто на эти вопросы ответит и почему именно он. Просто направь к конкретному созданию, чтобы эти мысли, будь они неладны, отпустили меня, наконец, и не тяготили мой разум! – как можно спокойнее запротестовала Лобо.

– Феликс Шерр-Лакке. – выдохнула энстихландка и отошла.

Трикс обратилась к Фелу:

– Феликс... А... У меня сформировались вопросы и Луна меня направила к тебе. – улыбка дёргалась, сердце сжималось и разжималось, сожалея что конкретных направлений не было, чтобы упрыгать и преподавать кому-то азбуку Морзе.

– Не пытайся улыбаться, твоё тело чувствует опасность, если ты пытаешься это игнорировать, или заставить меня игнорировать твой прилив адреналина, то самой же делаешь хуже. За тобой направо скважина, такой столбик с корытом нажмёшь сверху – потечёт чистая вода, попей. Семь медленных глотков – помогает. стакан на заборе. – проскороговорил тот, не отвлекаясь от наблюдения за неизвестной ему птицей.

Со стрессом действительно нужно бороться, как решила Беллатрикс. Если она будет мямлить и запинаться при разговоре с незнакомым человеком, да ещё и из другой вселенной, то это будет окончательный позор для всего земного человеческого рода.

– Так что тебе интересно узнать?

– Во-первых, почему именно я здесь? Во-вторых, почему у меня серый... хвост, а у вас рыжие? В-третьих, почему вообще у меня появился хвост? В-четвёртых, что не так с братом Луны? В-пятых, какого дьяволёныша ты на меня так любопытствующе смотрел? – выдала основной поток непонимающего сознания Белл.

– Жаль, что у нас нет профессионального педагога. Будь готова, что слушать придётся относительно долго. Отвечая на твой первый вопрос, Луна тебе уже рассказала о Герце Вольтовечкине. Он собирает Волчье зеркало. Оно было разделено на пять частей, одна была у тебя. Осколки выбирают хранителей, это могут быть демоны, стражи, ведьмы, полубоги, наследники дара. Их находят в самых неожиданных местах, зачастую, как мусор. Когда мумия – кровь, кожа, волосы или ногти – хранителя попадает на осколок, остальным зеркалам даётся знак

– звук, особый свет, вкус на языках других хранителей, рябь на стекле зеркала. Мы услышали «грюнтюр» из нашего осколка, я быстро нашёл в справочнике Джессы Джун, что это значит. Мы поняли, что в одной из вселенных есть наследник дара. Я вспомнил, что эти осколки могут находиться только в двойниках и бывших двойниках Энстихланда, один у Герца, один у нас, ещё один худо-бедно поживает в Анимальланде, значит оставшиеся два в вашем мире и в Мире Мёртвых либо в Пельанланде. Мир Мёртвых Герц ещё не до конца изучил (и слава Свету), а на счёт Пельанланда не знаю... Но в Космос он точно ещё не заглядывал...

– И слава Богу-Господу, что не заглядывал. – пробормотала Лобо.

– Точно не понимаю смысл твоей фразы, но скорее всего я с тобой согласен.

– Да, просто по-русски вырвалось.

– Так вот, «грюнтюр» обозначает, что...

– Постой, всё, что ты мне сейчас рассказываешь известно всем? То есть это для вас как... знать, где находится ваш дом? – вновь прервала Трикс.

– Вроде да, но не многие задерживают эти знания в голове надолго. И хватит меня перебивать, это черевато... Ну если тебе, конечно, не плевать на меня. Один из хранителей – наследник дара – тот, у кого хоть десять процентов колдовской крови, такие из всех двойников Энстихланда встречаются только на Земле, значит нам нужен этот человек. – закончил объяснять Шерр-Лакке.

– Но этот осколок нашла моя сродная сестра... – ладони Белл упёрлись в бока.

– А фактически, он у тебя. – Фел бросил взгляд на неё.

– Но зеркало выбрало её.

– Откатов не случилось?

– Нет.

– Значит, осколок счёл вас за одного человека. Возможно, у вас похож голос. – констатировал энстихландец.

Беллатрикс нахмурилась, ибо их с Радославой голоса были достаточно различимы, по крайней мере, манера говорить – точно:

– А остальные вопросы?

– Да, точно, хорошо, что я их законспектировал. Ты спрашивала про хвосты. Луна тебе сказала, что такова наша сущность, но не объяснила подробностей. Так вот, у каждого из нас есть звериная сущность, но она не уникальна, как, например, у земных колдунов. Она передаётся по рождению, как цвет волос, оттенок глаз. Только у одной семьи четыре стопроцентных зверя передаются по холодному расчёту давнего заклания. Хвост – показатель принадлежности к этому миру. Даже временной. А твой хвост... видимо отражает твою сущность или стихия напрямую связана с деятельностью твоей семьи и тебя в частности. – пояснил Феликс, Лобо кивнула и утвердительно промывчала.

Птица так и сидела на дереве, наблюдая за наблюдающим за ней Шерр-Лакке.

– Но можно я прерву ответ на твои вопросы... Меня мучает незнание. Иномирные птицы обладают странностью залетать сюда. Я пытаюсь изучать их, давать наименования. Например, этот вид я называю Пестрогрудка малая. – Фел кивнул на птицу.

– Это дрозд, перелётная птица. Не представляю, что он забыл здесь поздней осенью. – вставила Трикс.

– Спасибо. А про моего друга – он обладает философским мышлением и соответствующей речью, которая многим надоедает из-за странных для них фраз и из-за того, что он долго подбирает слова. Тебе нужны были максимально быстрые ответы на вопросы, как понимаешь, Джек бы затянул твоё ожидание.

Глава 5

Хоть Беллатрикс могла поверить Фелу на слово, что она и сделала... Но нельзя начинать знакомство с местом, не узнав хотя бы функции его обитателей, как считала Белл и решила всё-таки хотя бы попробовать поговорить с «философом».

— Здравствуй. — обратилась Лобо к Джеку.

— Объективно, взаимно.

— Как тебя называть?

— Объективно, Джек или Д'Шье.

— А не объективно?

— К счастью или к сожалению, я являюсь антисубъективистом. — Джек говорил с паузами после каждого «объективно» и смотря не на собеседника, а на небо, бегая по волнам облаков. — А тебя, объективно, как называть?

— Знаешь, я не очень хорошо понимаю объективное мышление, поэтому называй, как считаешь нужным от имени Беллатрикс, фамилии Лобо и отчества Леопольдовна.

— Как говорил мудрец Шеллон: «Не хочешь быть рабом Дьявола — называй вещи своими именами» — произнёс Д'Шье.

— Беллатрикс! — окликнула Луна. — Пойдём, покажу дом. Благо, для этого держать зрительный контакт.

Дом был большой, из глины и песка. Пол не скрипел, но и ковров не было. Девушки подошли к чему-то наподобие дверного проёма.

— Это моя комната. — произнесла Луна.

Помещение было просторным, стёкла в нём были самыми ровными в доме. Кровать здесь — возвышение, покрытое соломой и тканью. На стенах был нарисован речной пейзаж, а на потолке — небо. Стоит упомянуть, что сам потолок был скруглённым

Рядом с а-ля кроватью громоздился стол с параметрами полтора метра в длину, метр в ширину и столько же в высоту. На нём лежали бумага, краски, кисти, грифель, уголь, наброски, планы местности, в стопку сложенные картины; а под столом аккуратно стояли банки с маслом, мёдом, пигментами, песком, известью, мелом и обработанной глиной. Сверху в метре от стола располагалась сплошная полка в полкомнаты. На ней стояли вазы, тарелки, бюсты, скульптуры и натюрморты, каждую четверть метра были подсвечники. Возле окна же висела завеса.

— А что под ней? — спросила Лобо, указывая на ткань.

— Там Осколок осязания. Именно сквозь него я к тебе попала... И, наверное, придётся убрать занавеску на всякий случай. Кстати говоря, с его помощью ты сможешь потрогать что-то из своего мира или то, что отражают другие три Осколка.

Следующей комнатой, которую Д'Шье показала Беллатрикс была кладовка. Луна нарисовала в воздухе светящийся круг. В кладовой, до этого крошечно тёмной, стало видно заготовки, стога соломы, вяленую рыбу, молоко, банные веники, колбасу, сушёные травы, приправы в мешочках, корнеплоды, пустые банки, крупу и банку с универсальным противоядием.

Трикс, не оборачиваясь, почувствовала дыхание проводницы, заметив его тяжесть... Надсадиться или скинуть килограммы от такого не получится, но...

— Что с тобой? — уточнила Белл.

— Всё в порядке. У меня клаустрофобия. Это нормально для меня.

— А... по-русски, то есть, по-нормальному можно? — попросила Лобо.

— Боязнь замкнутых пространств. — пояснила Луна.

Дальше девушки прошли в библиотеку. Была она очень скудной, как заметила одна из них:

— Почему так мало книг и свитков? — недоумевающе проговорила землянка.

— Остальные Феликс забрал. Говорит: «Выход из лаборатории сбивает с ритма исследования».

Действительно, в библиотеке не было ни одной книги, связанной с естественными науками... Зато были по философии и мировой художественной культуре: «Кто я есть для миров? Самопознание», «Грехи и как с ними бороться», «Как не поддаться искушению», «Мысли в слух. Цитаты Шеллона», «Метафоры Света и Мрака», «Ясновидение/-/Шизофрения», «Мудрость сквозь века», «Учения Иисуса Христа», «Учения Будды», «Учения Мухаммада», «Пророчества миров», «Цвет как инструмент для восприятия», «Сто „не“», «Искусство до Пути нахождения», «Фольклор и изображение», «Безграничные грани» и «Мир, перенесённый кистью на поверхность». Здесь витражи были по серединам стен и на потолке.

— Если что, ходи где угодно по моей лаборатории и комнате. Всё можно смотреть, главное — ничего не трогай и не переставляй. — проинспектировал Фел.

— Что это за карта? — спросила Беллатрикс, указывая на заинтересовавший её настенный объект.

— Это карта нашей планеты — Энланда. Мы в Руссе... — Шерр-Лакке обвёл большую часть Евразии, -... это Джунго, — он показал Азию без Русса, — а это Испан, Роум и Грэк, он же, всмысле, последний — Элладион. Это Афреза. Это Норфьерика... и Зютьерика. Это Арктерьид. Это Бритт, а это Сканд. Там находится замок Герца Вольтовечкина.

— Да, Луна рассказывала... Но он постоянно мигрирует.

— Да. И он ещё опаснее Дьявола, у него есть душа и утверждённое тело, а ещё Осколок вкуса. Душа, конечно, принадлежит мраку... Всё бы ничего, но на его руках нет крови, и лишить его последней части Света мы не можем.

— Он не убивал? Он же черть!

— Вот именно, что чёрт, а не павшая душа. Он подговаривает, шантажирует, знает все страхи, желания... Может появляться во сне, в теле под видом путника. Он и дух, и волк, и обычный, и сверхъестественный. А через Осколок Герц может навредить каждому, кто отражается в другом.

— Блин корявый. Рада, Арес, мама, папа, баба, дед! — вырвалось у Белл по-русски.

— Кто?

— Моя семья. Они в огромной опасности!

— Все в огромной опасности.

— Я знаю. Но они постоянно рядом с этим проклятым Осколком!

— Жалеешь, что покинула дом.

— Немного. — сбавила темп беспокойства Лобо. — А тебе этот дом покидать не жалко будет?

— Начнём с того, что это не дом, а сворачиваемый с помощью заклинания балаганчик. Надеюсь, что увидит это, Белл кивнула:

— Понятно.

Глава 6

После знакомства с домом-норой-балаганчиком Беллатрикс села в своей комнате и посмотрела на голые кирпичного цвета стены, незакрытый пол, незавешанные окна. В помещении было пусто. «Нужно будет спросить, где взять нити для вязания занавесок» подумала девушка и начала прикидывать, как будет обставлять комнату.

Лобо посмотрела в потолок. Лучи выдавали каждую неровность, от ошмётка травы до отпечатка когтистой лапы. Без сомнения, создатель этого дома, коим был, скорее всего, Фел Шерр-Лакке, хотел сделать помещение максимально ровным, но каким образом он бы мог это совершить... хотя он создал бесконечную ручку без магии. Ничего придумывать нет смысла, если это забудешь. Должен быть порядок, если не во всём доме, то хотя бы в одной, твоей, комнате. Мебель тяжёлая, и Белл знала, что никогда не попросит её передвинуть, даже в том случае, что к кровати придётся перелезть через шкаф, а к письменному столу карабкаться по окну.

Сёстры часто задумывались, почему живут они как обычные ремесленники, но видимо, таков был путь. Бесконечно вежливой могли назвать любую нацию от китайцев до англичан, но на деле оказывалось, что благодарят и стыдятся лишь по-настоящему добрые люди, которых, уж точно в половине случаев изрядно потрепала жизнь.

Трикс подтянула ногу к себе и задумалась, у кого бы попросить бумагу и перо. Перьев здесь, вероятно не держат, но что-нибудь для письма обязано быть. У Луны Беллатрикс заметила только кисти, у Джека, по видимому, была лишь одна ручка, остаётся Феликс. «Надеюсь, он не занят...» – Лобо поднялась и пошла в сторону кабинета Шерр-Лакке.

Пол постукивал под каблуками Беллатрикс, что не давало переменить решение о походе к лаборатории. У внимательного лиса бы возникли вопросы относительно того, зачем она туда шла и сегодня или через пару часов пришлось бы докладывать, что и зачем и в каком количестве нужно было.

За поворотом появилась повозка. Тёмно-бурый с идеально гладкими шерстью, гривой и хвостом, конь стучал новыми подковами по каменной дороге. В чугунной повозке с мягкой льняной обивкой ехала женщина пятидесяти лет и мужчина на пару лет старше. Светло-рыжие блестящие волосы женщины были собраны в пучок лакированной деревянной заколкой с тонкой резьбой, на ней было чистое традиционное красное платье с мелкими узорами и орнаментом. У мужчины борода была ровно подстрижена, а стальные, почти чёрные волосы обрамляли плешь, как лавровый венок.

Лошадь шла бодро и меньше, чем за минуту оказалась у гладких ворот, которыми было обнесено хозяйство: недавно отремонтированный птичник, добротная конюшня и изба с пристроенной мастерской, от неё чуть поодаль стояла крупная баня, под удлинённой крышей которой складировались берёзовые дрова. Стоит упомянуть, что и ближайшая берёзовая роща принадлежала им, и тем, кто помогал весной садить новые деревья, давали определённый процент дров.

Это были Ярослав и Алёна Ленские.

— Беллочка! — окликнула бабушка, Мы приехали.

Но никто не откликнулся. Алёна вошла в дом, оглянувшись, пошла во внучкину комнату. Однако и там не оказалось единственной дочери Аполлинии и Леопольда Лобо, первой внучки Ленских. На столе был брошен лист бумаги, на котором, видимо, рукой самой Беллатрикс было выведено, что она уходит в другой мир и обещает вернуться, если сможет. На глаза Ленской навернулись слёзы, но до прихода к ней мужа старалась держать лицо.

– Что там? – крикнул Яр.

- Белл сбежала...
- Как?! Куда?
- Сам погляди. – губы женщины дёрнулись.
- Разыграть нас, верно, вздумала!.. Ох. Надо к твоей матери обратиться.
- Поехали, поехали! Если и она не знает, то я не знаю даже, к кому обратиться, не в розыск же подавать...
- У Нарда спросим, если что, как раз завтра обещались приехать. – Ленский открыл ворота.

Глава 7

Лобо почувствовала, что конечности двигаются осознанно, но глаза упорно игнорировали прошествие сна. из-за чего-то ей для полного пробуждения требовался свет прямо в глаза, если же погода этого не могла предоставить, то очень быстро надоедало бездействие одних только глаз.

Вчера пришлось бегать за ночной рубашкой на местный рынок. Благо, он находился от балаганчика недалеко и Луна сопровождала Трикс туда. Там же Белл взяла три мотка ниток, крючок и иглу. Удивительно для неё было то, что ни в одной точке этой планеты не было никаких валют. Единственное, что нужно было делать – производить, но это лишь с четырнадцати лет – энландского (то есть, сию планетного) совершеннолетия. Несовершеннолетним доставалось всё бесплатно – как вклад в будущие поколения, однако, существовал нюанс – на прилавках стоял контроль правды насчёт того, что вещь взята не для совершеннолетних. Эту компанию подростков торговцы уже знали в лицо.

Порядка трёх с половиной часов ушло у Беллатрикс на перешивку платья, чтобы не привлекать лишнее внимание руссовцев. После, до самого наступления темноты девушка с добытым у Шерр-Лакке карандашом на полу прорисовывала план комнаты, как положено – сверху и рассчитывала, чтобы всё вместились. Комната пуста, но скоро перестанет быть такой и именно с этой мыслью Белл пошла в кухню–столовую на завтрак.

В коридоре у выхода висели часы и землянка мельком заметила, что всего четыре часа утра, но... было уже во всю светло, на горизонте не было заметно и следа рассвета. Стоит упомянуть, сегодня уральская погода порадовала ясным небом в ноябре, что делало ощущение за окнами не таким зябко–неуютным. Те, кто мог, почти единогласно заявляли, что на следующей неделе даже Пельяланд на той же широте начнёт укрывать толстым слоем снега, и снежным волкам стоит готовиться к масштабной работе.

В столовой пахло чем-то вкусным. В тарелках лежали овальные плоды растений, политые чем-то молочно–желтоватым и густым.

– Доброе утро. – поздоровалась Лобо.

– Согласен. – отозвался Шерр-Лакке.

– Объективно, ясное осеннее утро. Четыре часа от начала суток. Погода позволяет проводить время на улице... Завтрак знаком и съедобен. – констатировал Джек, жуя неизвестный Беллатрикс продукт.

– Доброе утро. – подтвердила Луна.

– Что на завтрак. – поинтересовалась Трикс.

– Поджарённый картофон со сбитым норовым молоком. – проинформировал Фел.

– Хорошо... – Белл не совсем поняла, что это такое, но раз уж её родной и энрусский похожи, то, стало быть, это местные названия картошки и сливочного масла.

Блюда, к счастью, ещё не успели остыть и молоко идеально уравнивало вкус перчёного картофона. Наевшись, космийка уточнила, чем может быть полезна. Выяснилось, что посуда моется специальным фонтанчиком, пыль не оседает благодаря специальному покрытию (его, правда нужно периодически обновлять) и растворяется в воздухе. Исходя из этого, Беллатрикс была предоставлена самой себе и пошла вязать занавески на свои окна.

Петля за петлёй шло время. Занавеска была готова уже на восьмую часть к обеду, состоящему из местной курицы, куврицы, с варёной крупой, напоминающей бы людям из нашего времени гречу.

ДШье–младший бродил по коридорам, казалось, конспектируя каждый луч солнца с присущей объективностью. В конце концов, Джек зашёл к другу, который проводил опыт о вре-

мени плавки металлов, конечно, к общению Феликс не был расположен, зато хотя бы малейшая новость попадёт в дневник рыжеволосого энстихландца.

Спустя несколько часов Шерр-Лакке выключил огонь и обратил взгляд на Джека:

– Давно тут сидишь?

– Объективно, час, тридцать семь минут и девятнадцать... уже двадцать секунд.

– И что?

– Объективно, ты был увлечён своей работой, но отвлекался на несколько десятков секунд и пусто смотрел на стены.

– Это настолько заметно?

– Объективно, если наблюдать, то всё видно.

Фел зарылся рукой в свои пепельные волосы и посмотрел товарищу в глаза.

– Ладно, о чём ты думал?

– Спасибо. Я не могу больше молчать, иначе уже на людях начну зависать в мыслях. Из моей головы не выходит она... Я пытался отвлечься, игнорировать...

– Не совсем объективно, но рекомендуют игнорировать эмоции.

– Сам знаю! – прокричал Шерр-Лакке. – Прости, просто эта космийка – ведьма.

– Объективно, она – наследница дара ведьмы.

– Да я не про дар...

– Объективно, известно, что это трудно принять.

– Надеялся, меня это не затронет, но видимо, природа решила, чтобы я все свои знания в области биологии подтвердил личным опытом.

– Объективно, возможно. Могу посоветовать только одно: не блей и не выёживайся.

– Это два совета.

– Но мысль, объективно, одна.

Феликс запрокинул голову, борясь с желанием дискуссии. К счастью или к сожалению, он знал, что может сморозить не то, а они с Джеком и так несколько месяцев назад ссорились. И Шерр-Лакке слишком хорошо помнил холод посреди лета, когда не признал новое мышление давнего друга.

– Что-то ещё хочешь обсудить? – уточнил ДШье.

– Нет. На этом сегодняшний семинар с признанным мною психологом – Джеком ДШье окончен. – произнёс Фел невидимой аудитории. – У тебя есть идеи, чем заняться?

– Объективно, мне стоило бы задать тебе вопрос, о том все ли книги ты прочитал.

– ...Но на чтение у меня настроения нет.

– Объективно, это заметно. Поэтому я и сказал, что мне лишь стоило задать этот вопрос.

Феликс улыбнулся на пару секунд и серьёзно предложил:

– Пойти, написать научное издание что ли?

– О чём? – поинтересовался рыжеволосый.

– О строении крыльев норов и длине перье-шерстинок в каждой зоне. – поведал учёный.

– Объективно, таких научных трудов я ещё не видел. – заметил ДШье.

– Да, почему-то ещё никто не брался за публичное изучение крыльев норов. Значит этим кем-то буду я. – Шерр-Лакке стянул перчатки.

Джек кивнул и они пошли к ближайшему заводчику этих животных.

Глава 8

Двадцать первое ноября. Российское поселение на границе Урала и Сибири. На юго-западе появилась повозка с четырьмя людьми – родители около тридцати лет с дочерью лет десяти и девятилетним сыном. Они остановились рядом со знакомым хозяйством. Мужчина сошёл с транспорта и крикнул:

– Отец! Открывай ворота!

Ярослав повёл ухом и вышел из мастерской. Девочка, стоящая за воротами услышала приближающиеся шаги по грунтовой тропе. Ленский поднял засов.

– Привет, дед! – приветствовал мальчик.

– Здравствуй, Арес! – Яр потрепал внука по голове и сделал шаг сыну. – Здравствуй, Нард.

– Привет, пап. – прохладно отозвался Леонард.

Девочка уже тем временем пробежала на веранду к бабушке.

– Привет, бабуль! А где Белл? – позитивно сказала Радослава.

С лица бабушки сползла приветственная улыбка:

– Привет-привет, Радушка. – отозвалась Алёна. – Она сбежала...

– Как сбежала? Куда? Когда? – нахмурилась, точно бык Ленская-младшая.

– Вчера пока нас не было совсем без вещей убежала... только письмо оставила.

– Можно я гляну? – попросила девочка.

– У неё в комнате, на столике.

Немедля, Слава, несомая беспокойством, почти пролетела в комнату и сжала кончиками пальцев лист.

– Возможно, это прозвучит, как бред, но мне необходимо на неопределённый срок уйти в параллельный мир – Энстихланд – для борьбы с сыном чертя... – бормоча прочитала Радослава, повторно пробежалась по чернильным строкам и сделала вывод: «Это это зеркало. Точно. С ним что-то не так и вот оно уже живёт...».

По инерции девочка засунула указательный палец в рот и отгрызла кусочек кожи. Рада глубоко вздохнула и, как бы невзначай, на случай, если за ней потихоньку следит Ар, мазнула раненым участком по поверхности стекла, провела круг, царапнула стекло рядом с гранью. Поверхность будто стала жидкой. Тем же пальцем Ленская тронула гладь, прислушалась.

Были слышны незнакомые голоса: мужской (точнее, мальчишеский) и молодой женский. В тему Слава не вслушивалась, но у первого голоса была странная манера начинать фразы.

Радослава просунула сначала первую фалангу, высунуть поучилось, затем весь палец, высунула, ладонь тоже не пострадала. Тогда девочка вошла уже полностью.

– Здравствуйте. Я сестра Лобо Беллатрикс Леопольдовны и у меня чувство, что она с вами. – как можно дружелюбнее проговорила Рада и, как только рыжая незнакомка вдохнула, чтобы что-то сказать, добавила, – Представиться не стоит, просто мне нужно знать, где моя сродная сестра.

– Здравствуй. Да, Беллатрикс здесь, с нами. – сообщила местная.

– Почему, то бишь, зачем она здесь? – мягко уточнила землянка.

– Чтобы бороться с полудемоном, который хочет подчинить весь мир Дьяволу. – объяснила Луна.

– Чёртов сатанист, будь с ним неладное, чтоб ещё Белл за это страдала!.. – пробормотала Слава так, что сама еле услышала. – Спасибо. За ясность. – улыбнулась девочка и шагнула в зеркало, подумав, что ей нужно именно домой.

Когда Ленская вернулась в родные стены, она почувствовала сильную боль по всему телу, но пошла на кухню к бабушке.

– Бабуля... Послушай, этот мир правда есть, и Белл правда там. Но пускают туда не всех. Я смогла туда пройти и вернуться. Я не могу оставить её одну в незнакомом мире. – кое-как пролепетала Слава.

– А я, Рада, не могу потерять всех внуков. – запротестовала бабушка, повернувшись лицом к лицу Радославы.

– Мы будем передавать письма. Мы возьмём с собой иконы. Мы должны быть там, где есть зло! – настаивала внучка сведя яркие брови к центру лба.

– Не геройствуй так! Тебе всего десять лет от роду! Ты можешь умереть там!.. Причём зря и совсем маленькой! – отговаривала Ленская-старшая.

– Если мы не поможем, мир поглотит мрак. – применила последний аргумент ослабевшая Рада.

– Я уверена, Рада, у них есть, кому бороться. – попыталась успокоить девочку Алёна.

Та опустила взгляд и учащённо заморгала:

– Дай мне, пожалуйста, отвар... У меня всё болит.

– Хорошо, Рада. Только не сбегай, пожалуйста. Обещай мне, внученька. – Ленская-старшая нежно погладила по голове и провела своей рукой по Радославиным светло-каштановым волосам, протянув целебный сбор.

– Я обещаю, – девочка посмотрела женщине в глаза. – что я никогда не сбегу. – медленными глотками исчезло из кружки варево.

Стоит упомянуть, что Анна Гурзунова – мать Алёны, вдова, знахарка и дворянка – умела делать вынужденное приятным, полезное – вкусным, а пугающее – лёгким. Она жила недалеко от всех, но внимание уделяла только тем, кто приходил к ней сам или через посланника, как она говорила: «Если человек не просит о помощи, значит, скорее всего, он считает, что помощь ему не требуется. Или он уже знает итог, или ждёт лишь Бога одного, или боится неизвестности с обеих сторон... Ведь люди просят, когда Смерть или её посланницы – Беды – уже протягивают руки.». Сама она нередко являлась посредником, только не между людьми, точнее, не только между ними. Её уважали и приходили, чтобы подсобила. Она никогда не отказывала, она верила в людей. Злых умыслов она не исполняла, но помогала, как того требовал случай, который, вроде шёл впереди, но на поводу у той, кого умела видеть Анна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.